

На правах рукописи

Бадмаева Саглар Сергеевна

**ЯЗЫКИ СТИЛЬ СКАЗОК МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ)**

Специальность 10.02.22 - языки народов зарубежных стран
Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии
(монгольские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Элиста - 2004

Работа выполнена в отделе монголоведения и тибетологии
Калмыцкого института гуманитарных исследований
Российской академии наук

Научный руководитель: кандидат филологических наук
Омакаева Эллага Уляевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Харчевникова Роза Пюрвеновна

кандидат филологических наук
Крылов Сергей Александрович

Ведущая организация - Санкт-Петербургский филиал Института
востоковедения РАН

Защита состоится "15" апреля 2004 г. в 10.00 часов на заседании
диссертационного совета К 212.305.01 в Калмыцком государственном
университете по адресу: 358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул.
Пушкина, И.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Калмыцкого
государственного университета по адресу: 358000 Республика Калмыкия,
г. Элиста, ул. Пушкина, 11.

Автореферат разослан "12" марта 2004г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук Бадмаев Б.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

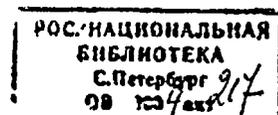
Актуальность темы. В богатейшем наследии устного народного творчества любого народа видное место занимает сказка, которая интерпретируется как особый повествовательный текст, отражающий менталитет создавшего его народа.

Сказки монгольских народов, в том числе калмыцкие народные сказки, - яркий и разнообразный в жанровом, сюжетном, языковом и художественно-стилистическом плане богатейший пласт устного народного творчества. Актуальность избранной темы определяется особой ролью сказки как фольклорного текста и спецификой языка сказки в языковой системе фольклора монгольских народов, а также необходимостью лингвистического изучения мифопоэтических параметров сказки. Наряду с общими исследованиями генезиса и жанровой специфики сказки важен лингвистический анализ текстового материала самих сказок, конкретных языковых фактов. Вслед за В.Я. Проппом [Пропп 1983, 567] мы считаем, что если описываются и изучаются ряды фактов и их связи, то такое описание может перерасти в раскрытие определенного явления и, следовательно, обладает уже не только частным интересом. В связи с этим представляется весьма актуальным исследование языкового и стиливого своеобразия сказок.

Ценность изучения языка сказок заключается в том, что язык фольклора сыграл огромную роль в становлении и развитии литературного языка. Обобщение результатов лингвистического изучения сказки представляется нам важным как для раскрытия собственно языковой специфики сказочного текста, характеристики системы его лексико-семантических и изобразительно-выразительных средств, так и для более углубленного исследования языка и стиля фольклора в целом.

Важным является выявление семантической структуры фольклорного слова, важнейших семантических категорий словаря языка народных сказок как инструмента адекватного понимания сказочного текста. Актуальность работы определяется необходимостью совершенствования на конкретном материале методов контрастивного анализа, которые позволяют установить меру сходства и различия родственных языков. Изучение языковой и стилиевой системы одного из самых популярных жанров фольклора монгольских народов должно заложить основу для всестороннего сравнительно-типологического исследования языка, стилистики и поэтики сказок разных народов. Это и предопределяет актуальность выбранной для исследования темы.

Состояние изученности проблемы. Вопросы языка и стиля фольклора, в частности проблемы лингвистического изучения лексики сказок, являются слабо разработанными как в калмыковедении, так и в монголоведении

в целом. Калмыцкие сказки достаточно хорошо изучены в литературоведческом отношении известными учеными-фольклористами М.Э. Джимгировым, проф. А.Ш. Кичиковым, В.Т. Саранговым, Т.Г. Борджановой и др., бурятские - Ц. Жамцарано, Б. Барадиным, А.И. Улановым, Е.В. Баранниковой, М.И. Тулохоновым, С.С. Бардахановой, Б.-Х. Б. Цыбиковой и др., монгольские - Ц. Дамдинсуреном, П. Хорлоо, Ш Гаадамба и др. В существующей литературе по монголоведению и калмыковедению можно найти ответ на самые разные вопросы, касающиеся сюжетики и образной системы калмыцких народных сказок, но совершенно нет работ, в которых бы ставились и решались задачи, связанные с тем, как соотносятся между собой язык и поэтика фольклора, в чем заключается языковая специфика фольклорных жанров. Текст сказок до сих пор не становился объектом лингвистического анализа, нет специальных исследований, посвященных изучению языка монгольских (в том числе калмыцких) сказок, за исключением кандидатской диссертации Б.Д. Цыренова «Язык бурятских народных сказок» [Цыренов 2001]

Цели и задачи исследования. Целью настоящего исследования является выявление языковой специфики сказок монгольских народов, модели описания фольклорного слова и текста в монгольских языках при последовательном сопоставлении их лексико-семантических, лексико-грамматических, лексико-стилистических и лингвопоэтических параметров. Исследование языка сказок практически невозможно без учета жанровой специфики, вне стилистического измерения. В соответствии с общей целью в работе ставятся следующие конкретные задачи:

- определение сказки как текста;
- формирование представления о различных жанрах сказок, многообразии сказочной прозы;
- анализ метаязыковой основы термина «сказка»;
- разработка комплексной многоаспектной методики исследования лексикисказок;
- сбор, фиксация лексики сказок и ее систематизация в сопоставительном плане;
- классификация лексики по лексико-семантическим группам;
- выяснение характера лингвокультурологических особенностей языка сказок, ставших объектом исследования;
- рассмотрение художественных, стилистических и поэтических особенностей языка сказок;
- выявление специфики речевого употребления морфологических и синтаксических категорий в языке сказок.

Материалом для исследования послужили оригинальные источники

калмыцкой и монгольской сказочной прозы - опубликованные и рукописные тексты, полевые записи. Среди многочисленных публикаций сказок прежде всего следует упомянуть четырехтомный сборник калмыцких сказок «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки»), сборники монгольских сказок «Монгол ардын үлгэр» («Монгольские народные сказки»), сборники сказок синыйцзянских (харусунских и илийских) ойратов, различные хрестоматии. Вводятся в научный оборот фольклорные материалы, хранящиеся в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (Санкт-Петербург), рукописном фонде научной библиотеки восточного факультета СПбГУ и Российской национальной библиотеки, Научном архиве КИГИ РАН (Элиста).

Методологические основы исследования. Теоретическими первоисточниками послужили работы Ф. де Соссюра, В. Проппа, М.Бахтина и др. исследователей, а также положения современной лексикологии, лингвистики текста, лингвофольклористики и лингвостилистики.

Основными методами исследования явились комплексные методы и приемы лингвистического анализа, широко используемые в современном языкознании: описательно-аналитический, структурный, функционально-семантический, когнитивный, сопоставительный, статистический и метод сплошной выборки.

Научная новизна работы состоит в том, что в калмыковедении и - шире - в монголоведении впервые предпринята попытка комплексного изучения языка сказок в лексико-грамматическом и семантическом аспектах. Определен статус сказки как особого типа текста, разработана методика и понятийный аппарат исследования, выявлены лексико-семантические особенности сказок, их художественно-изобразительные средства, рассмотрено функционирование различных морфологических и синтаксических категорий в рамках отдельной сказки, сказках одного жанра и сказках разных жанров.

Научно-практическая значимость диссертации сводится к тому, что результаты исследования могут быть использованы при разработке теории лексикологии и стилистики монгольских языков, при составлении различных словарей, в том числе словаря языка фольклора, при создании учебных пособий, спецкурсов по лексикологии и стилистике монгольских языков, языку устного народного творчества в высших и средних учебных заведениях, а также в сопоставительных исследованиях по языку фольклора других народов.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на заседании Отдела монголоведения и тибетологии КИГИ РАН, её основные положения докладывались на Международной научной конференции «История и культура монгольских народов: источники и традиции» (Элиста, 1999), Международ-

ной научной конференции «Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения (язык и литература)» (Элиста, 1999), Всероссийской научной конференции «Буддийская культура и мировая цивилизация на пороге III тысячелетия» (Элиста, 2000), IV Международной конференции «Исторические источники Евразийских и Североафриканских цивилизаций: компьютерные подходы» (Москва, 2001), Всероссийской научной конференции «Молодежь в науке: поиски, проблемы и перспективы» (Элиста, 2002), региональной научно-практической конференции «Искусство во времени и пространстве евразийской художественной культуры», посвященной 80-летию Г.Я. Рокчинского (Элиста, 2003), научных чтений, посвященных памяти Ц.-Д. Номинханова и И.К. Илишкина (Элиста, 2004). По теме диссертации опубликовано пять работ и три находятся в печати и производстве.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы, списка источников, а также приложения.

Содержание работы

Во введении обосновывается актуальность выбранной темы, выявляется степень ее изученности, формулируются цель и задачи, определяются предмет и методы исследования, раскрываются его научная новизна и практическая значимость, дается характеристика языкового материала и структуры диссертации.

Первая глава «Теоретические предпосылки исследования», состоящая из двух параграфов, посвящена характеристике того теоретического направления, в русле которого осуществляется данная работа. Здесь говорится об идеях лингвофольклористики, лингвостилистики, лингвопоэтики, лингвистики текста, когнитивной и контрастивной лингвистики, раскрывается понятийный аппарат исследования, а также излагается история изучения вопроса в монголоведении (калмыковедении).

В § 1 «Современная лингвофольклористика и ее задачи» рассматривается становление лингвофольклористики как науки (проблемы, итоги, перспективы), дается общая характеристика фольклора, его языка, фольклорного жанра и сказочного текста, а также анализируется понятийный аппарат исследования.

1. Лингвофольклористика как наука: проблемы, итога, перспективы.

Реферируемая диссертация выполнена в русле нового направления филологической науки - лингвофольклористики, которое находится на стыке двух дисциплин - языкознания и фольклористики - и активно развивается в настоящее время в рамках этнолингвистики. Так, успешно исследуется язык славянского (русского) фольклора (А.П. Евгеньева, Н.И. и С.М. Толстые, З.К. Тарланов, Е.Б. Артеменко, А.Т. Хроленко, О.А. Черпанова,

Ц.А. Оссовецкий, Е.С. Никитина и др.). Реальное начало лингвофольклористическим исследованиям было положено в 1963 г., когда вышла в свет известная монография А.П. Евгеньевой «Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII-XX вв.». Хотя следует отметить, что первые опыты в этом направлении имели место еще в XIX в. Важными для лингвофольклористики являются исследования В.Я. Проппа и А.А. Потепни по языку и поэтике устного народного творчества.

Провозвестником нового направления в тюркологии был известный ученый Н.К. Дмитриев, а в монголистике - академик Б.Я. Владимирцов. Так, например, Н.К. Дмитриев еще в 30-е годы XX в. говорил о том, «что тюрколог-лингвист, даже и при нынешнем (дифференцированном. - Г.Б.) состоянии науки неизбежно выступает и по вопросам тюркского фольклора, а тюрколог-фольклорист одновременно должен владеть и лингвистическим методом» цит. по: [Благова 2000,3]. В последнее время в современной тюркологии появляются докторские диссертации по проблемам лингвофольклористики [Габышева 2003].

В области монголоведения в этом направлении активно работают известные ученые Б.Х.Годаева и Г.Ц. Пюрбеев, являющиеся авторами работ по языку калмыцкого эпоса «Джангар» [Годаева 1976; Пюрбеев 1993].

Понятие «фольклор», введенное в научный оборот в середине XIX века, имеет множество дефиниций и интерпретаций в зависимости от исследовательской школы. Сегодня к фольклору относят практически всю традиционную речевую культуру во всем её богатстве и разнообразии. Если исходить из этого, то к фольклору можно отнести все, что традиционно закреплено в виде словесной формулы или выражения, текста. Другими словами, фольклор - это ставшее традицией слово в широком смысле, закрепившееся в этом своем качестве в народном сознании. Тогда фольклор не может быть ограничен классическими жанрами, с которыми он обычно ассоциируется (сказка, песня, т.н. малые жанры и др.). Да и внутри некоторых классических жанров наблюдается такое разнообразие текстов, которые по сути дела не составляют единого жанра, как это принято считать.

Основными теоретическими проблемами в области лингвофольклористических исследований являются:

- проблема квалификации фольклорного текста;
- проблема классификации и систематизации фольклорных жанров;
- проблема жанровой поэтики, в частности лингвопоэтики;
- проблема языка фольклора и его словаря;
- проблема терминологии.

Проблема жанровой систематизации крайне сложна. Ситуация осложняется тем, что зачастую названия жанра, даваемые информаторами, рас-

ходятся с терминологическими обозначениями, принятыми в фольклористической науке. В калмыцкой фольклористике это касается жанра такого фольклорного произведения, как «72 небылицы».

В настоящее время основными параметрами жанра считают функцию, связанную с ней жанровую семантику, структуру (ведущий элемент поэтики), форму исполнения (в нашем случае – рассказывание), содержание. Нам представляется, что здесь не заложен такой важный критерий, как язык фольклорного текста. Кроме того, необходимо внести уточнение и по четвертому пункту – содержанию. Произведения разных жанров могут иметь одинаковое содержание.

Наиболее употребительными являются классификации фольклорных жанров, предложенные В.Я. Проппом и Б.Н. Путиловым, между которыми существует определенная преемственность.

Традиционно по функциональному признаку (установке на вымысел/ достоверность) повествовательный фольклор делят на сказочную и несказочную прозу. В рамках сказочной прозы выделяют жанровые разновидности: сказки о животных, волшебные, новеллистические, бытовые, легендарные, кумулятивные. Представляется, что данная систематизация нуждается в уточнении с учетом изучения конкретного материала с позиций лингвофольклористики.

2. Понятийный аппарат исследования.

Специально рассматриваются следующие вопросы:

- основные понятия лингвофольклористики, лингвистики текста и лингвостилистики (лингвопоэтики);
- сказка как текст в лексико-семантическом, лексико-грамматическом, лингвостилистическом и лингвокультурологическом аспектах;

Основными теоретическими проблемами лингвостилистики, лингвистики текста в области лингвофольклористических исследований сказки являются:

- квалификация и структура сказочного текста;
- классификация и систематизация сказочных жанров;
- сказочная поэтика, в частности лингвопоэтика;
- семантический язык сказок и его словарь.

Язык сказок близок к литературному языку. Этот факт, возможно, подтверждает тезис о наддиалектности языка фольклора, высказанный многими учеными, исследовавшими язык фольклора разных народов. В целом констатируется, что язык практически всех сказок представляет собой смесь диалекта и литературного языка, что, по нашему мнению, является отражением тенденции образования особой формы устно-разговорной речи.

§ 2. История вопроса.

В настоящем параграфе мы попытаемся систематизировать существующие в калмыковедении и - шире - в монголистике взгляды на роль и место сказки в системе фольклора монгольских народов. Как отметил А.Д. Холодович, «значение истории вопроса не бесполезно для того, чтобы пробудить к нему интерес и внимание и избавить от многих ошибок и реминисценций при возможном построении новых концепций».

1. История собирания и публикации сказок монгольских народов (на примере калмыцких сказок).

Сказки калмыцкого народа своей самобытностью издавна привлекали к себе внимание исследователей. Среди тех, кто первым соприкоснулся с калмыцким фольклором, был адъютант Академии наук И.И. Лепехин, который в 1768-1769 гг. побывал калмыцких степях, записал, а позднее опубликовал несколько калмыцких легенд и 13 сказок. Собранные материалы того времени представляют собой большой интерес. Так, в Архиве востоковедов Санкт-Петербургского Филиала ИВ РАН хранятся неопубликованные рукописные материалы на калмыцком и немецком языках Ф. Муромского, студентов А. Борзинкевича и Г. Вебера, которые в период 1775 - 1778 гг. собирали в калмыцких кочевьях этнографический, словарный и фольклорный материалы, в том числе и сказки.

Собиранием сказок занимались как русские, так и иностранные путешественники, этнографы и фольклористы. В конце XIX - начале XX вв. калмыцкие сказки публиковали такие известные ученые, как В. Бергман, Б. Юльг, Г. Рамстедт, К. Ф. Голстунский, Г. Гомбоев, Лерош, Лер, А.М. Позднеев, Н. Бадмаев, С.В. Фарфоровский и многие другие. В послереволюционное время, начиная с 1929 г., ученые стали активно заниматься сбором калмыцкого фольклорного материала. Собранные сказочные тексты позже были опубликованы в 1939 г. И.И. Кравченко в книге «Народное творчество Калмыкии», а в 1941 г. - в сборнике «Хальмг фольклор» (составители Ц. Леджинов и Г. Шалбуров). В 1960 - 80-х гг. было издано свыше десятка сборников сказок, как на калмыцком языке, так и на русском. В их числе - четыре выпуска сборника сказок «Хальмг туульс», подготовленных учеными КНИИЯЛИ: 1-ый выпуск датируется 1961 г. (составители Б. Сангаджиева и Л. Сангаев), 2-ой - 1968 г. (составитель А.Ц. Бембеева), 3-ий - 1972 г. (Н.Н. Мусова, Б.Б. Оконов, Е.Д. Мучкинова), 4-ый - 1974 г. (Б.Б. Оконови Е.Д. Мучкинова). В последние десятилетия опубликовано несколько сборников сказок на калмыцком (например, «Алтн зун-темн» 1995 г., составитель Э.К. Лиджиев), русском (например, «Сандаловый ларец» 2002 г. в переводе Т.Г. Борджановой) и немецком языках («Marchen der Kalmuken» 1993 г. в переводе Е. Джамбиновой).

2. История изучения сказок монгольских народов (сравнительно-сопос-

тавательный анализ существующих классификаций сказок и фольклорной терминологии в калмыцком и монгольском языках).

Будучи на протяжении веков объектом непрерывного собирания и изучения, калмыцкая сказка остается «языковой и культурной загадкой». Это особенно заметно в сравнении с другими видами фольклора, особенно с генетически близкими - мифом и эпосом. Одной из причин сказочного «отставания» принято считать методику изучения сказки [Бернштам 1995,235]. По мнению ученых, «методика сопоставления былинных текстов проще и яснее, чем сказочных» [Чистов 1986, 152].

Обратимся к самому термину «сказка». В настоящее время ни в лингвофольклористике, ни в литературоведении нет определения термина «сказка», достаточно точно и всесторонне раскрывающего его содержание.

В «Литературном энциклопедическом словаре» термин «сказка» определяется как «один из основных жанров устного народного поэтического творчества; эпическое, преимущественно прозаическое, художественное произведение, волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел» [ЛЭС 1987, 383].

Само слово тууль (сказка) в современном калмыцком языке подразумевает определенную совокупность жанровых образований сказочного эпоса. «...Но в то же время термин «тууль» прямо относится и к героическому эпосу: в своем первоначальном значении «тууль» действительно означал жанр типа ойратских эпоей подлинно героического содержания - богатырскую поэму» [Кичиков 1992,11]. Калмыцкая народная сказка «тууль» делится на два вида: «ахр тууль», т. е. короткая сказка (бытовая, сказка о животных) и «ут тууль», т. е. сказка длинная, большая по объему повествования (сюда относят волшебные, богатырские). В то же время у современных монголов «сказка» - «улгэр», а «эпос» - «тууль». Синыэзьянские ойраты употребляют оба термина «ут тууль» и «улгэр», а «ахр тууль» - это загадки. Следует отметить, что у калмыков термин «улгур» (пример, образец) употребляется для обозначения такого жанра, как пословицы.

Отсутствие у монгольских народов единой терминологии является следствием исторического разделения этих народов. Заметим, что раньше употреблялись два термина, обозначающие сказку. Так, в монгольской версии «Волшебного мертвеца» (Шиддиту курийн хорин зурган У^{III}Р)^в в самом повествовании встречается один термин - «хууль» (хууль ярих, шидшт хурийн хуули ас), а в заглавии упоминается другой - «улгэр». Слово «улгэр» в монгольском языке имеет три значения: 1) сказка; 2) модель, образец; 3) пример. В монгольской литературе есть сочинение «Улгэрийн далай» (что означает «Море притч»), в котором описывается жизнь Будды как образец поведения людей. Видимо, в то время сказки о животных никак не могли

называться «улгэр», так как не являлись образцом человеческого поведения [Гадамба1987]) Отсюда следует, что изначально термином для обозначения сказки было слово «хууль», которое впоследствии был заменен на «улгэр».

В диссертации приводится сравнительная таблица сказочных терминов, бытующих у калмыков, монголов и синьцзянских ойратов.

Вторая глава «Лексико-семантическая и лексико-грамматическая система языка сказок монгольских народов» посвящена лингвокультурологическому изучению лексико-грамматического и семантического своеобразия сказки.

§ 1. «Лексика сказок монгольских народов». Сравнительно-сопоставительный анализ лексического состава языка сказок показал, что система лексики состоит из всех основных пластов лексики монгольских языков. Рассмотрим их подробнее.

1. Лексика общемонгольского характера.

Основу (ядро) лексической системы языка сказок составляет самый разнообразный в тематическом отношении, значительный в количественном отношении пласт общемонгольской лексики, охватывающий различные классы слов (части речи). При этом подавляющее большинство слов имеет в калмыцком и монгольском языках сходный звуковой облик и одно и то же значение.

Наиболее многочисленный и частотный класс слов - это существительные. Затем идут глаголы, прилагательные, наречия и т.д.

I. Существительные.

Тематическая классификация существительных, употребляющихся в сказках, представлена 20 лексико-семантическими группами:

Неживая природа

1). Ландшафт: **назр** (газар) «земля», **булг** (булаг) «родник», **уул** (уул) «гора», **дала** (далай) «океан», **көвэ** (хөвөө) «берег».

2). Вещества, минералы, металлы: **алтн** (алт) «золото», **мөнгн** (мөнгө) «серебро», **төмр** (төмөр) «железо», **зес** (зэс) «медь», **чолун** (чулуу) «камень», **элсн** (элс) «песок», **усн** (ус) «вода».

3). Природные явления: **хур** (бороо) «дождь», **цасн** (цас) «снег», **салькн** (салхи) «ветер».

4). Небесные тела: **нарн** (наран) «солнце», **одн** (од) «звезда».

5). Время: **жил** (жил) «год», **сар** (сар) «месяц», **өдр** (өдөр) «день», **сө** (шөнө) «ночь», **цаг** (цаг) «время», **үд** (үд) «полдень».

Живая природа

1). Дикие животные: **ан** (ан) «зверь», **чон** (чоно) «волк», **хулһн** (хулгана) «мышь», **туула** (туулай) «заяц».

2). Домашние животные: мал (мал) «скот», адун (адуу) «табун», мөрн (морь) «лошадь», гүн (гүү) «кобылица», ажрн (азарга) «жеребец», унһн (унага) «жеребенок», бух (бух) «бык», туһл (тугал) «теленок», хөн (хонь) «баран», хурһн (хурга) «ягненок», темән (тэмээ) «верблюд» и т. д.

3). Птицы: шовун (шувуу) «птица», хун (хун) «лебедь», шаазһа (шаазгай) «сорока».

4). Рыбы, земноводные: захсн (загас) «рыба», тул (тул) «таймень», моһа (могой) «змея», мекля (мэлхий) «лягушка».

5). Насекомые: хорха (хорхой) «насекомое», аралжн (аалз) «паук», батхн (батгана) «муха», бөкүн (шумуул) «комар», бөөсн (бөөс) «вошь».

6). Части тела: альхн (алга) «ладонь», һар (гар) «рука», барун һар (баруун гар) «правая рука», зүн һар (зүүн гар) «левая рука», көл (хөл) «нога», күзүн (хүзүү) «шея», толһа (толгой) «голова», амн (аман) «рот».

7). Растения и их части: модн (мод) «дерево», уласн (улиас) «осина», өвсн (өвс) «трава», бүчр (мөчир) «ветка», хамтхасн (навч) «лист».

Общество

1). Термины родства и свойства: эк (эж) «мать», эцк (эцэг, аав) «отец», күүкд (хүүхдүүд) «ребенок / дети», көвүн (хүү) «сын», күүкн (охин) «дочь», ах (ах) «брат», эгч (эгч) «сестра».

2). Орудия труда, инструменты: сүк (сүх) «топор», утх (хутга) «нож», зүн (зүүн) «игла», күрз (хүрз) «лопата».

3). Оружие: сумн (сум) «стрела», жид (жад) «копье», үлд (илд) «меч», селм (сэлэм) «сабля».

4). Средства передвижения, упряжь: тергн (тэргэн) «телега», эмэл (эмэл) «седло», дөрэ (дөрөө) «стремля», жола (жолоо) «вожжи, повод», хазар (хазаар) «уздечка», һанзһ (һанзага) «торока», чөдр (чөдөр) «путы, треножник».

5). Жилище, постройки, сооружения и их части: жолм (жолом) «ожоломейка (без решетчатых стен)», урц (урц) «хижина, лачуга», чачр (чачар) «зонт; навес; шатер», өрк (өрх) «дымовое отверстие кибитки; кошма, покрывающая дымовое отверстие кибитки», терм (хана) «стенная решетка кибитки», тотх (тотго) «притолока», туурһ (туурга) «турга (нижнее покрывало верхней части кибитки из кошмы)», уньн (унь) «жердь, которой поддерживается верхний круг юрты», харач (тооно) «матица, круг верхнего отверстия кибитки (юрты)».

6). Домашняя утварь, предметы обихода, посуда: авдр (авдар) «сундук», девскр (дэвсгэр) «подстилка; войлочный настил; постель; тюфяк», дер (дэр) «подушка», ишкэ (эсгий) «кошма, войлок», орн (ор) «кровать, постель», тавг (таваг) «большая деревянная чаша», шаңһ (шанага) «половник, поварешка».

7). Одежда, материя, ткани, украшения: һосн (гутал) «сапоги», дах (дах)

«шуба», девл (дээл) «шуба, тулуп», махла (малгай) «шапка», билцг (бөлзөг) «кольцо, перстень».

8). Пицца: агта цэ (аагтай цай) «крепкий чай», будан (будаа) «мучной суп, затируха», шар тосн (шар тос) «топленое масло», шөлн (шөл) «бульон»; хар шөлн (хар шөл) «простой мясной суп».

II. Прилагательные / наречия

Данный класс слов образует 4 ЛСГ:

1). Пространственная ориентация: барун (баруун) / зүн (зүүн) «правое / левое», ар (ар) / өмн (өмнө) «задний / передний», хаза (гадаа) / дотр (дотор) «снаружи / внутри».

2). Количественные параметры

2.1. Общие: оln (олон) / цөөкн (цөөхөн), дала (зөндөө) / невчкн (жаахан) «много / мало».

2.2 Числовые: негдгч (нэгдүгээр) «первый», доладгч (долоодугаар) «седьмой», арвдгч (аравдугаар) «десятый» и т. д.

3). Цветообозначения: цаһан (цагаан) «белый», хар (хар) «черный», улан (улаан) «красный», шар (шар) «желтый», көк (хөх) «синий» и т. д.

4). Качественные признаки, форма и размер: нк (нх, том) / бичкн (жигжиг) «большой / маленький», өндр (өндөр) / маштг (нам) «высокий / низкий», бөдүн (бүдүүн) / нэрхн (нарийн) «толстый / тонкий», у (уужим) / уутьхн (нарийн) «широкий / узкий», хол (хол) / өөрхн (ойрхон) «далеко / близко», хуучн (хуучин) / шин (шинэ) «старый / новый», байн (баян) / угатя (ядуу) «богатый / бедный», эрүл (эрүүл) / гемтэ (өвчитэй) «здоровый / больной», сэн (сайн) / му (муу) «хороший / плохой», кинтн (хүйтэн) / халун (халуун) «холодный / горячий», көгшн (хөгшин) / баахн (залуу) «старый / молодой».

III. Глаголы

1). Глаголы движения: йовх (явах) «ехать», одх (очих) «ходить», ирх (ирэх) «приходить», һарх (гарах) «выходить», ишкх (ишгэх) «ступать», гүүх (гүйх) «бежать», орх (орох) «входить», буух (буух) «спускаться», унх (унах) «садиться верхом», хэрх (буцах) «возвращаться» и т. д.

2). Глаголы состояния: бээх (байх) «находиться», болх (болох) «становиться», суух (суух) «сидеть», кевтх (хэвтэх) «лежать» и т. д.

3). Глаголы физиологических действий: идх (идэх) «есть», уух (уух) «пить», унтх (унтах) «спать», инэх (инээх) «смеяться», уульх (уйлах) «плакать», үкх (үхэх) «умирать», төрх (төрөх) «родиться» и т. д.

4). Глаголы восприятия (зрительного и слухового): үзх (үзэх) «видеть», хэлэх (харах) «смотреть», ширтх (ширтэх) «вглядываться», сонсх (сонсох) «слышать».

5). Глаголы мышления и речи: келх (хэлэх) «говорить», гих (гэх) «говорить», сурх (асуух) «спрашивать», санх (санах) «вспоминать», медх (мэдэх)

«знать», мартх (мартах) «забывать», тоолх (тоолох) «считать» и т. д.

В лексике сказок оказалось немало слов, бытующих только в калмыцком ареале, не представленных в других монгольских языках.

2. Заимствованная лексика. Лексический состав языка калмыцких сказок содержит в качестве заимствований тюркские, турецкие, тибетские, санскритские, арабские, персидские, китайские, русские и другие элементы. Время проникновения тех или других заимствований установить довольно трудно.

Наиболее часто заимствуются имена существительные в фонетически освоенном виде, из других частей речи изредка встречаются глаголы, числительные, наречия, частицы, а местоимения, союзы и другие служебные слова практически не заимствуются.

2.1. Заимствования из тюркских языков.

Тюркизмы в калмыцком языке неоднородны по составу. В калмыцких сказках встречаются тюркские лексические элементы двух видов: 1) общемонгольского характера: **зэңг** (кирг. **жаңы**, каз. **жаңа** «новый, свежий, обновленный») «весть, известие»; тагт (тюрк., перс, тахте «доска, щит, фанера») «мост»; 2) собственно калмыцкие тюркизмы: азд (ногайск. азда «мифический дракон») «буян; дебошир, хулиган»; алднд (ср. тюрк, алдында «перед, впереди; прежде, раньше; около») «почти; около; как раз в тот момент; перед (этим, тем), вблизи (этого, того)» и т. д.

2.2. Заимствования из санскрита и тибетского языка.

Санскритизмы и тибетизмы тесно связаны с распространением буддизма. Заимствования из этих языков в сказках монгольских народов представлены в основном именами существительными. Приведем тибетские заимствования, встречающиеся в калмыцких сказках: бум (тиб. бум) «сто тысяч»; гелц (тиб. дгэ - слонг) «буддийский монах, принявший 253 обета»; гелц (тиб. дгэ-цхул) «буддийский монах, давший клятву верности трем драгоценностям и принявший 36 обетов» и т.д. Санскритизмы: бадм (санскр. падма) «лотос»; буйн (санскр. пунья) «добродетель»; **һалв** (санскр. калпа - период мироздания) «эра, века»; **һәрд** шовун (санскр. Гаруда - владыка птиц; олицетворение света в древнеиндийской мифологии и эпосе); «орел; мифическая царь - птица»; жиндмн (чиндмн) (санскр. чинта - мани) «мифический, драгоценный камень, исполняющий желания и олицетворение у монголов солнца»; замбутив (замбтиб, джамбудви́па, домба тиб) (санскр. джамбудви́па - древнее название Индии) «вселенная, континент, этот мир» и т.д.

2.3. Заимствования из русского языка.

Необходимо отметить, что русские заимствования в разные периоды играли большую роль в процессе развития словарного состава монгольских языков. В сказках встречаются прямые заимствования из русского языка,

относящиеся к раннему периоду: арчим - аршин; барш - барыш; бас - баз (для скота); устаг - стог; **укр-тухлын** гурт - гурт коров и телят; чеенг - чайник и т.д.

Процесс заимствования из русского в монгольские языки продолжается и в настоящее время, в связи с билингвизмом, в особенности у калмыков.

2.4. Заимствования из других языков.

2.4.1. Китаизмы. Китайские заимствования появились в монгольских языках с древнейших времен. По мнению ученых, наиболее благоприятными периодами для заимствования являлись времена царствования монгольских ханов от Хубилая до Тогон-Тэмур (1260-1368 гг.) и послеюаньский период.

В монгольских языках китаизмы давно прошли процесс адаптации и воспринимаются как исконная лексика. В сказочном тексте нами были выделены следующие слова: бу (кит. пао «пушка») «ружье»; **зэсн** - почетный титул знати; зуух (кит. цао - хо - железная печь) "яма для разведения огня; глинобитный очаг"; пинд (пин, пэнг) - навес, балаган, чулан, сарай; **цэ** (кит. чха) «чай» и т.д.

2.4.2. Арабизмы. Как известно, в прошлом монголам очень редко приходилось иметь непосредственные контакты с арабским миром. Отсюда следует, что ряд арабских и персидских лексических элементов могли попасть в монгольские языки в основном через тюркоязычную среду. В сказках встречаются такие арабизмы, как алмс (араб, алмаас) «ведьма»; эрк (араб, араг «испарина, испарение») «кумысная водка»; **ханжар** (ханжар) «кинжал».

2.4.3. Персизмы. Существуют сведения о некоем «литературном общении между монгольским и персидским миром» [Черемисов 1956, 143]. В сказочном повествовании нами выявлены следующие заимствования из персидского: **арслн** - лев; бадья - бадья; базр - базар; шалвр - шаровары, штаны; шатр - шахматы; шикр - сладости.

§ 2. Семантическая структура сказок монгольских народов.

При семантическом анализе и осмыслении сказок монгольских народов возникают неизбежно трудности, связанные с уровнем понимания текста. Вслед за С.Е. Никитиной [Никитина 1988, 88] мы выделяем несколько уровней понимания фольклорного текста. Самый нижний предполагает, по меньшей мере, знание современного калмыцкого (монгольского) языка и основных мировоззренческих представлений. Следующий уровень предполагает уже знание фольклорной картины мира. Здесь можно выделить несколько подуровней понимания фольклорного текста. Достаточно трудно говорить об общефольклорной картине мира, по всей видимости, у каждого фольклорного жанра есть своя «версия» - проекция общефольклорной модели

мира. Каждая такая «версия» имеет свою жанровую специфику и в то же время нечто общее, пересекающееся с другими версиями, что обеспечивает единство фольклорной традиции. Если первый подуровень - досимвольный (прямая номинация), то второй - подуровень символов, требующий соотношения элементов фольклорного мира с определенными символами. Отдельные элементы могут обозначаться обоими способами.

К сожалению, фольклорная символика далеко еще не изучена, из последних работ отметим докторскую диссертацию монгольского фольклориста С. Дулама, Следует заметить, что большинство фольклорных символов существует не на уровне слов, а на уровне мотивов. Тем не менее, при правильном подходе можно ввести довольно большой объем семантической информации. В реферируемом параграфе рассматривается числовая, цветовая, темпоральная, латеральная символика и символика форм.

Другой подуровень - семиотические оппозиции типа «свой-чужой» это важнейшие категории, которые должны быть внесены в словарные статьи языка фольклора.

Видимо, в словарь языка фольклора должны быть включены все слова отобранных текстов, но полное семантическое описание может быть дано только ключевым словам (словам, выполняющим определенные фольклорные функции) - фольклорным словам-концептам вне зависимости от их частеречной принадлежности (существительные, обозначающие признак, качество или свойство предметов; глаголы, обозначающие действие в широком смысле слова; числительные, связанные с нумеративной символикой).

Эти слова достаточно подробно описаны в обычных словарях, но в фольклорном контексте получают своеобразный лексикографический портрет фольклорного слова с учетом парадигматики (замещений и одновременных параллельных представлений) и синтагматики (лексико-семантической сочетаемости). Отдельную словарную статью должны составлять и парные слова, количество же словосочетаний - словарных входов необходимо свети до минимума (они будут находиться внутри словарных статей).

Методика тезаурусной характеристики фольклорного слова выбрана нами в качестве модели комплексного описания семантической системы сказок монгольских народов. Представляется целесообразным отдельно создать словарь языка сказок, более того - словари языка волшебных, богатырских, бытовых сказок и сказок о животных, если считать, что сказка не является единым жанром.

Таким образом, словарь языка сказочного жанра монгольских народов - это тезаурус с лексическим входом, многоаспектной семантической классификацией единиц и словарными статьями, структуру (схему) которых С.Е. Никитина сравнила с анкетой, предъявляемой к заглавному слову [Никити-

на 1988, 90]. Предложенная С.Е. Никитиной схема включает 15 пунктов, представляющих собой названия семантических функций, например, таких, как символы, эквиваленты (синонимы и изофункциональные слова), оппозитивы, целое и компоненты, типичные локусы, деятели, признаки, действия и т.д.

Мир традиционной сказки - мир вещный, замкнутый и ограниченный. Значения полисемантических слов диффузны, трудно отделить одно значение слова от другого (например, сердце как анатомический орган и сердце как средоточие / символ чувств).

К сожалению, не всегда удается четко разграничить близкие по смыслу лексемы в пределах одного семантического разряда. Тем не менее, попытка семантической систематизации сказочной лексики и ее классификации представляется нам вполне оправданной и необходимой.

В последние годы лексикология достигла определенных успехов в описании системности лексики, выявление структурно-семантической организации лексических множеств, в разработке теории семантической и семной структуры слова (Ю.Д. Апресян, Л.М. Васильев, Ю.Н. Караулов, А.А. Уфимцева и др.).

Лексическое значение слова - это совокупность сем, т.е. внутрисловная парадигма, компоненты которой являются все свойственные ему семы с учетом их ранга в семантике лексемы. Современная лингвистическая наука рассматривает разные способы объединения слов в лексические множества (парадигмы). Самый распространенный критерий - наличие категориально-лексической семы.

Анализируя положение дел в области систематизации лексики в монгольских языках, отметим, что практически все классификации строятся с учетом только одной классификационной семы. Но такая классификация представляется нам не вполне адекватной, поскольку реальное положение вещей представляет собой значительно более сложную картину. «Однако, - пишут В.Б. Касевич и В.С. Храковский, - многопризнаковые классификации - дело будущего, поскольку пока еще недостаточно исследованы состав и ранжирование сем в лексемах глаголов, к тому же не вполне ясны и сами признаки классификации такого рода» [Касевич, Храковский 1983, 19]. Представляется что и сегодня, по прошествии более двадцати лет после вышеприведенного высказывания известных российских лингвистов, положение дел существенно не изменилось. Следовательно, задача множественной классификации лексем как полисемных структур остается по-прежнему актуальной.

В семантической структуре сказок монгольских народов мы выделяем следующие сферы:

I. Локально-темпоральный комплекс.

1. Время: цаг (цаг); день: өдр (өдөр); сегодня: эндр (өнөдөөр); завтра: манһдур (маргааш). 2. Пространство: мир, вселенная: орчлң (орчилон); земля: һазр (газар). 3. Ландшафт: океан, море: дала, теңгс (далай, тэнгэс); гора: уул (уул); скала: хад (хад). 4. Топографические объекты: дорога: хаалһ (зам); лес: ө-шуһу модн (ой мод). 5. Природные явления: дождь: хур (бороо); ветер: салькн (салхи).

II. Флора: растение: урһмл (ургамал).

III. Фауна: птица: шовун (шувуу); рыба: заһсн (загас); скот: мал (мал); паук: аралжн (аалз).

IV. Сакральная сфера: 1. Добуддийский пантеон: а) общие наименования; б) персоналии: шаман: бө (бөө); 2. Буддийский пантеон: а) общие наименования: буддизм: шар шажн (шар шашин); б) персоналии: божество шүтән (шүтээн).

V. Антропоцентрическая сфера: 1. Общие наименования: человек / люди: күн / күмн эмтн (хүн / хүмүүс). 2. Родственные отношения: мать: эк (ээж); отец: эцк (эцэг, аав); ребенок: үрн (хүүхэд) / дети: күүкд (хүүхдүүд); 3. Соматизмы (части тела): голова: толһа (толгой); глаз: нүдн (нүд); 4. Мир вещей: кровать: орн (ор); 1) Предметы: очаг: һулмт (голомт); 2) Посуда и утварь: сав (сав); 3) Вещества: металл, железо: төмр (төмөр); зола: үмсн (үнэсэн); 4) Пища: кумыс: чигән (айраг); 5) Одежда, головной убор и украшения: пояс: бүс (бүс); серьги: сийк (ээмэг); кольцо: билцг (бөлзөг).

VI. Социальная сфера: ханство: хаана нутг (хаана нутаг); подданные: алвт (албат); народ: эмтн (хүмүүс); друг: нээж (найз); слуга: зарц (зарц); табуншик: адуч (адууч).

VII. Военная сфера: войско: церг (цэрэг); стрела: сумн (сум); копье: жид (жал).

VIII. Атрибутивы: 1. Качества, способности, признаки и свойства человека и др. живых существ: 1) Позитивные: ум: ухан (ухаан); мудрый: цецн (цэцэн), мергн (мэргэн); 2) Негативные: жадный: ховдг (ховдог); злость: ур (уур); 2. Цвет: белый: цаһан (цагаан); черный: хар (хар); 3. Число: первое: нэгдвэр (нэгдүгээр), түрүн (тэргүүн); последнее: сүл (сүүлийн); 4. Гендер: мужской: эрин (эрийн); женский: эмнн (эмийн).

VIII. Действия: 1. Обряды, ритуалы: свадьба: хүрм (хурим); родины: цаһан төр болх (нярайлах); 2. Обрядовые действия: обход: эргх (эргэх); 3. Формы речевого поведения: пение: дуулх (дуулах); плач: уульх (уйлах); 4. События: смерть: үкл (үхэл); болезнь: гем, өвчн (өвчин).

IX. Основные ценности, абстрактные понятия: жизнь: эм (амь); душа: ссдкл (сэтгэл); сила: күчн (хүч).

§3. Функционирование лексико-грамматических категорий в сказоч-

ном тексте.

Лингвокультурологическое изучение лексико-грамматических категорий на материале параллельных сказочных текстов (калмыцко-русских и монгольско-русских) представляет несомненный интерес как в теоретическом, так и в практическом планах. Именно выход за пределы отдельного предложения - в текст - позволяет выявить те связи, которые реализуются только в связном тексте, а также дать более адекватную картину функционирования лексико-грамматических категорий в языке в целом. Полученные результаты могут оказаться полезными для типологии текстов, как внутренней (монгольско-калмыцкой), так и внешней (монгольско-русской, калмыцко-русской). Различия в зависимости от типа языка могут быть объяснены не только чисто лингвистическими причинами, но и социокультурными. Для правильной семантической интерпретации и адекватного перевода сказочного текста необходимо не только хорошее знание соответствующего языка, но и понимание фольклорной (сказочной) картины мира, выработанной носителями данного языка на определенной ступени развития этноязыкового сообщества, о чем говорилось выше.

Существует немало переводов калмыцких и монгольских сказок на другие языки, прежде всего русский. Калмыцкие сказки также переводились на немецкий язык, а монгольские - на английский. Классическим образцом русского перевода монгольского (калмыцкого) сказочного текста считается перевод с ойратского Б.Я. Владимирцова, осуществленный в 1922 г. Речь идет о монгольском (калмыцком) сборнике сказок **Шидэт хүүр (Сидтэ күүр)** «Волшебный мертвец», восходящем к древнеиндийским «25 рассказам Веталы». Монгольский ученый Н. Балжинням на основе сравнительного анализа русского текста и оригинала пришел к выводу, что язык перевода прост, образен и выразителен. В то же время автор отмечает, что некоторые слова, выражения, а иногда и предложения в ряде случаев остались непереуведенными или же не совсем правильно переведены [Балжинням 2000, 127].

Третья глава «Лингвостилистическая система языка сказок монгольских народов».

Жанровая принадлежность сказки почти всегда определяет стиль языка сказки. Большинство волшебных, богатырских сказок отличает эпически возвышенный стиль. Иная картина в бытовых сказках и сказках о животных. Они носят чаще всего острый, социально направленный характер, что определяет их стиль как сатирический, иронический, нередко заземленный.

§ 1. Макропоэтика (стилистика).

Знаменательными элементами поэтики (макропоэтики) сказок являются традиционные формулы (инициальные, медиальные и финальные).

Традиционные формулы изучались на материале сказок многих наро-

дов: русских (Е.Н. Елеонская, Р.М. Волков, В.В. Блажес, Н.В. Новиков, Н.М. Герасимова), западнославянских (И. Поливка), румынских и восточнославянских (Н. Рошиану), адыгских (А.И. Алиева), бурятских (Б.Д. Цыренов).

В данном параграфе рассматриваются языковые реализации традиционных формул в калмыцких сказках в сопоставлении с монгольскими и синьцзян-ойратскими.

Функция инициальной формулы-временная и пространственная локализация сказочного сюжета, героев сказки. Более распространены в сказках простые прозаические инициальные формулы: в калмыцких сказках *кезана бэажэ* «давным-давно было»; в синьцзянских *эрт урд цагт санжэ гинэ* «в раннее время было говорят»; в монгольских *эрт цагт* «в раннее время...». Они синтаксически являются простыми предложениями, часто усложненными причастными оборотами.

Сказки монгольских народов не имеют финальных формул в том значении, в каком они бытуют в сказках других народов, но по-своему красивы и поэтичны. Типичные структуры, завершающие сказочное повествование, все же имеются, и они по праву могут быть отнесены к финальным формулам. Наиболее частотны финальные формулы со значением «стали жить хорошо и счастливо». Бытовые сказки и сказки о животных могут не иметь финальных формул, и в таком случае заканчиваются неожиданно. Синтаксически финальные формулы - это простые, реже, сложные предложения.

В сказках монгольских народов встречаются общие с восточно-славянскими сказками девять медиальных формул: «быстрый рост будущего героя», «красота героини», «диалог между конем и героем» и др. Между тем имеется значительное число формул, характерных лишь для сказок монгольских народов: «получение вести о суженной», «диалог богатырей перед поединком», «ход поединка», «указание пути следования и остановок на ночлег» и т. д.

Традиционные формулы тем самым обеспечивают восприятие повествования по установленным сказочным законам. В целом они воплощают в жизнь основные признаки сказки, как особого фольклорного жанра, с учетом единства ее поэтики и стилистики. В сказках они выполняют различные синтаксические функции.

§ 2. Микропоэтика (изобразительно-выразительные средства).

Лингвисты особое, целенаправленное использование слов и фразеологизмов обозначают термином «микропоэтика». Что касается микропоэтики, то здесь использование слов и фразеологизмов в прямом смысле обозначают термином «автологический прием», а в переносном смысле - «тропы» [Нуриев 2002,74].

В сказках монгольских народов довольно широко используются поэтические тропы: эпитет, гипербола, литота, сравнение и т. д. Провести четкую границу между отдельными тропами довольно сложно.

Эпитет является тропом лексико-синтаксическим, поскольку выполняет функцию грамматического определения. Эпитеты – это имена прилагательные и имена существительные, обозначающие вещества, металлы. Отличие эпитета от логического определения состоит в его экспрессивности. К постоянным сказочным эпитетам относятся эпитеты алтн (алтан) «золотой», мөнгн (мөнгөн) «серебряный», а также все цветковые обозначения.

Встречаются сложные составные эпитеты: Арви жил болсн аралжна мөр мөрдг, хөри жил болсн хорха-меклэн мөр мөрдг Мөрч;

В сказках более распространены аналитические сравнения, образованные при помощи послелогов: «мет», «дүнгэ», «кевтэ», «шинг», «чингэ», «чинэн», «чигэ», «эдл». «Предметы» сравнения в волшебных сказках – это герои, их внешность, снаряжение, оружие и т.д., «образами» служат предметы из ближайшего окружения. Сравнения, образованные синтетическим способом, при помощи аффиксов **-ца, -ца**, выполняют такие же функции, но встречаются гораздо реже.

Стилистическая функция гиперболы и литоты в сказках заключается в том, чтобы заострить внимание слушателя на преувеличиваемых или преуменьшаемых признаках явлений, предметов и действий и т. п.

Гиперболизованы не только отдельные предметы, явления, признаки, действия и т.д., весь сюжет сказки построен на художественном преувеличении.

В Заключении подводятся итоги исследования, намечаются пути продолжения проведенного исследования.

Комплексный анализ сказки позволяет нам сделать общий вывод о том, что характер языка и стиля сказок монгольских народов в своей основе соответствует системе современных монгольских языков. В сказочном тексте нашли свое полное отражение основной лексикон (словарный фонд) и основные грамматические категории монгольских языков.

Лексика и грамматика монгольских и калмыцких сказок в целом едины и имеют общемонгольский характер. Это объясняется тем, что они сложились еще в эпоху общемонгольского праязыка. Вместе с тем наблюдаются определенные лексико-грамматические различия, особенности употребления в речи отдельных слов, морфологических и синтаксических категорий, что объясняется расхождением монгольских языков на определенной степени развития. Язык сказки, ее лингвистическая система в высокой степени детерминированы прагматической установкой говорящего (сказителя) и требованиями жанра. Воздействие прагматического фактора на конститу-

ирование сказочного текста, его структуру, семантику и жанровые характеристики проявляется практически на всех уровнях, в том числе на лексико-семантическом и лексико-грамматическом.

Язык сказки - это не только определенная подсистема языка фольклора и - шире - общенародного языка, но и система языковых образных средств, используемых для выражения художественного замысла, создания эмоционального настроения и аксиологической оценки: синонимы, антонимы, эпитеты, сравнения, гиперболы и литоты.

Анализ материала (контрольной группы текстов) позволил заключить, что внутри сказочной прозы существуют значительные различия и расхождения при соблюдении ведущих признаков жанра. Иначе говоря, монгольская (калмыцкая) сказка допускает широкий диапазон вариативности, где общая схема получает специфические реализации в конкретном тексте.

Полученные результаты свидетельствуют о необходимости продолжения изучения языка фольклора в избранном исследовательском ключе. Проведенное исследование языка и стиля сказок монгольских народов открывает перспективы дальнейшей, более детальной разработки вопросов, связанных с лингвостилистической системой аналогичного жанра других народов, а также других фольклорных жанров.

Приложение содержит тексты 10 неопубликованных калмыцких сказок, хранящихся в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН (Санкт-Петербург), переложенных диссертантом со старокалмыцкого на современный калмыцкий язык.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1) Антропонимы и топонимы в «Джангаре» ойратов Синьцзяна // Международный симпозиум. Научная конференция «Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения (язык и литература)». Часть I. Элиста, 1999. С. 9.

2) Мотивы тууль-улигеров в эпической традиции торгутов Синьцзяна // Международный симпозиум. Научная конференция «История и культура монголоязычных народов: источники и традиции». Часть II. Элиста, 1999. С. 16-17.

3) К вопросу о влиянии буддизма на язык фольклора калмыков // Буддийская культура и мировая цивилизация на пороге III тысячелетия. Материалы Всероссийской конференции. СПб. - Элиста, 2000. С. 144-145.

4) О создании базы данных по калмыцким волшебным сказкам // Тезисы IV Международной конференции «Исторические источники Евразийских и Североафриканских цивилизаций: компьютерные подходы». М., 2001. С. 7.

5) Лексические особенности языка калмыцких сказок // Монголоведе-

ние. №1. Элиста, 2002. С. 171-174.

6) Время и пространство в зеркале языка (на примере калмыцких сказок) // Материалы региональной научно-практической конференции «Искусство во времени и пространстве евразийской художественной культуры», посвященной 80-летию народного художника России Г.О. Рокчинского (Элиста, 24 декабря 2003 г.). Элиста, 2004 - в печати (0,5).

7) Сказка как текст: структура и семантика (на материале сказок монгольских народов) // Молодежь в науке: поиски, проблемы и перспективы. Материалы научной конференции. Элиста, 2004 - в печати (0,5).

8) Лингвокультурологические особенности сказок монгольских народов // Материалы научных чтений, посвященных памяти Ц.-Д. Номинханова и И.К. Илишкина (Элиста, 4 февраля 2004 г.). Элиста, 2004 - в печати (0,5).

№ - 5 4 1 7

Подписано в печать 10 03 2004 г.

Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная. Объем 1,39 усл печ л. Тираж 100. Заказ № 5

**Отпечатано в малотиражной типографии Министерства образования Республики
Калмыкия, 358000, г. Элиста, пл. Ленина, Дом Правительства**